

Василий Донской

На границе света и тени

На границе света и тени

Василий Донской

Василий Донской

На границе света и тени

«Автор»

2023

Донской В.

На границе света и тени / В. Донской — «Автор», 2023

История о молодом человеке Павле Чернышёве, который с юношеских лет мечтал стать разведчиком-нелегалом. Когда он ещё не был разведчиком КГБ, мечта его начинает осуществляться — он получает задание в составе группы советских туристов на Кубе выявить предателя — крота, работающего на ЦРУ. О его приключениях там и романтической любви — первая книга.

© Донской В., 2023

© Автор, 2023

Василий Донской

На границе света и тени

Глава 1. На задании

Рёв двигателей за бортом стал переходить в свист, а потом внезапно стих и наступила тишина. Да, это Куба. Позади остался аэробус Ил-86, сойдя по трапу которого, группа направляется к невзрачному аэровокзалу, носящему гордое имя героя-освободителя Хосе Марти. Однако Павлу сейчас не до экскурсов в историю Латинской Америки – ему не по себе. А причина тому – вовсе не болтанка над печально известным Бермудским треугольником, после чего случился сердечный приступ у пожилой пассажирки, а стюардесса сломала ногу... Причиной не мог быть и выпитый в салоне алкоголь, в изрядном количестве подаваемый по его просьбе стюардессой. Нет, здесь что-то другое. Он двигался на автомате, окутанный душным и влажным воздухом в нестройном ряду пассажиров только что прибывшего рейса Москва – Гавана. Голова гудела как набатный колокол и, несмотря на духоту, его немного знобило. С трудом соображая, что могло стать причиной такого состояния Павел безуспешно ломал голову над тем, почему он себя неважно чувствует, и тут его неожиданно пронзила ужасная мысль: ещё бы немного и задание могло быть провалено на пороге его реализации. Он помнил слова руководителя, который у здания «Б» Измайловского комплекса перед лицом всей группы предупредил, не скрывая превосходства и удивления: «Я могу отправить тебя обратно из Москвы сейчас или потом из Кубы, если повторится что-либо подобное». Да, в Москве получилось не очень... если не сказать хуже. Переиграть роль — это фальшь, которая выдаёт плохого актёра. Был получен урок, и повторно ему ошибиться было нельзя. Может, он чувствовал бы себя лучше, если бы ещё не напутствие куратора, – теперь Павел понимал, что это был именно он, куратор. Тот сказал Павлу: «Главное – веди себя естественно, как обычный турист, на которого свалилось счастье побывать за границей, да ещё за океаном. Для правдивости можно позволить себе некоторые излишества, чтобы в тебе видели своего рубаху-парня. Но меру надо знать всегда. Переиграть бывает хуже, чем недоиграть». И вот тебе на... Сразу же случилось худшее из зол.

По приезде в Москву группа собралась в Измайловском комплексе. В течение часа разместились по номерам. До ужина оставалось ещё время – часа четыре. Руководитель группы, Николай Богданович, мужчина лет тридцати, чуть выше среднего роста и нормального телосложения, разрешил в оставшееся время посетить своих московских родственников и знакомых. Почти все направились к метро. В холле осталось четверо, включая руководителя и Павла, который соображал, куда податься. В Москве он бывал не раз, но знакомых и родственников у него не было. Двое из четвёрки в Москве оказались впервые. Они растерянно смотрели на Николая, как про себя стал называть руководителя Павел, а тот, видимо, очень хотел избавиться от балласта, прикидывая свои планы. Вдруг он неожиданно посмотрел на Павла. Тот его понял без слов:

– Не беспокойтесь, Николай Богданович, я проведу с ними экскурсию. Родственников в Москве у меня нет, и мне даже веселее будет попутешествовать в компании. Только скажите: во сколько будет ужин и где? Здесь ведь два ресторана.

Ясно, куда стремятся люди, первый раз прибывшие в Москву... Правильно – на Красную площадь. А там необходимо увидеть смену караула у Мавзолея, посетить Александровский сад, постоять у вечного огня, потом – ГУМ, ЦУМ, потолкаться на Арбате, разинув рот, рассматривая картины художников и слушая песенки дворовых артистов. Время пролетело быстро. И вот Павел с подопечными снова в холле гостиницы. Там их уже ждет мужчина из их группы. Когда они поднялись в ресторан, вся группа, разогретая вином, поприветствовала опоздавших, размахивая руками и что-то весело выкрикивая. Мест за общим столом не оказалось, но рядом за

небольшим столиком на четверых сидел Николай с неизвестными парнем и двумя девушками. Рукой и кивком головы он пригласил Павла подойти.

– Вот, Павел, знакомьтесь, – обратился он к сидевшим рядом молодым людям. – Я вас покидаю, а Павел поддержит компанию. Надеюсь, ты не дашь скучать своей соседке. – Жестом он указал на симпатичную девушку, сидевшую напротив. – Не оплошай.

– Не беспокойтесь, Николай Богданович, постараюсь в грязь лицом не ударить.

Оказалось, что ужин только начался. Шампанское и прочие вина входили в счёт пребывания в гостинице, а в общем – и в стоимость путёвки. После знакомства пошли тосты, и за их столиком возникло непринуждённое общение. Вся группа, включая руководителя, с любопытством наблюдала за происходящим. Кульминацией стало то, что соседка Павла на прощание написала губной помадой на салфетке номер телефона своей комнаты.

По окончании ужина всю группу собрал руководитель. Он объявил о времени и месте сбора завтра для отбытия в аэропорт Шереметьево.

– Я вижу, у тебя, Павел, завязывается роман, поэтому предупреждаю: не ходи, если свидание у вас назначено.

– Обещать не могу, – ответил Павел, – я дал слово джентльмена.

– Ну смотри, я тебя предупредил перед всеми. Не ходи, автобус ждать не будет. Соседом Павла по номеру оказался мужчина лет сорока. Видя, что Павел достаёт одну из двух заветных бутылок водки, которые разрешалось ввозить на Кубу, стал уговаривать бросить эту затею. Но Павел был непреклонен. На всякий случай написав номер телефона и номер комнаты, где он будет, и пообещав, что вернётся часа через два, ушёл.

А наутро он появился перед группой, ожидавшей автобус, растрёпанный и опухший после бессонной ночи. Вот тут-то он и услышал от Николая угрозу отправить его домой из Москвы или из Кубы. Да, это был прокол. Только теперь, на трезвую голову, Павел понял глубину падения. Ладно, это произошло бы в другой раз, но, имея задание, он поставил всё на грань провала. Это не просто стыд и позор – это почти предательство. Из событий прошлой ночи в памяти осталось, что выпивали, сидя на полу в номере. Другая пара оказалась давними друзьями. Молодой мужчина оказался турком, работающим в представительстве своего отца в Москве. Поднимали тосты за мир во всём мире, за дружбу турок и русских... а потом всё как во сне, секс до изнеможения. А утром с третьей попытки ему удалось проснуться после того, как на глухой вопрос мужчины откуда-то издалека, услышал недовольный голос хозяйки номера: «Нет здесь никакого Павла»!

Необходимо было, во что бы то ни стало исправлять положение, так как самое ужасное осталось позади. Он, всё-таки, продолжает своё турне, а значит не всё потеряно. Только неприятливые и осуждающие взгляды попутчиков по путешествию, неприятным холодком сковывали сознание, создавая ощущение, совершенно голого Павла на подиуме в свете софитов на виду у всех. Он с огромным облегчением увидел подходивший к зданию «Икарус», заставив сразу же всех оживиться и заняться посадкой в автобус. Маршрут к аэропорту «Шереметьево» проходил через Москву и Павел заметил, что большинство его земляков из Западной Украины в Москве не были и с восторгом и удивлением таращились в окна, восхищаясь увиденным. По сути это для них была обзорная экскурсия, только вот не было экскурсовода. «Вот она спасительная соломина» – подумал Павел – «ситуацию необходимо было использовать в свою пользу».

Пересев к тесной группке молодых девиц он громко на весь автобус стал рассказывать о мимо проносящихся достопримечательностях. В Москве он был раз, наверное, семь или восемь, в основном в командировках на компрессорном заводе «Борец», выбивая дефицитные запчасти. И Москву он изучал по большей части в приключениях по поиску номеров в гостиницах с такими же бедолагами командировочными со всей страны. Однажды зимой, когда их выдворили с милицией из вестибюля гостиницы «Спорт» им пришлось ночевать в отстойном

вагоне электрички. Благо белый армейский полушубок, по большому благу приобретённый отцом в «Военторге», чтобы зимой Павлу было не так холодно добираться на электричках из Нововоронежа домой и обратно, спасал от простуды. И вот то, что отложилось в памяти от этой бродяжьей командировочной жизни, то он сейчас выдавал с искусством знатока, нагло перевирая даты и события, но интерес экскурсантов от этого не уменьшался: слушали и задавали вопросы. Хорошо, что их было много, и Павел мог выбирать из них те, на которые мог ответить, имея хотя бы смутное представление. Лёд в отношениях с попутчиками постепенно таял, и он возвращал себе, потерянную было, окончательно накануне, репутацию. В Шереметьево он продолжил свою реабилитацию, оказывая помощь: как руководителю группы, так и рядовым путешественникам из их группы, стремительно ориентируясь по информационным табло, особенно найдя камеру хранения для верхней одежды, в которой они её оставляли, отправляясь в тропическую страну. Благодарственный взгляд, попавшего из-за этого в затруднительную ситуацию руководителя группы, подтвердил, что Павел был на правильном пути.

В аэропорту всех поразил аэробус Ил-86, когда он подруливал на стоянку для посадки. Казалось, что фюзеляж и размах крыльев у этого гиганта занимают половину аэродрома. И вот этим бортом, предстояло лететь Павлу и всей группе на противоположную сторону земного шара. Романтическую душу Павла наполнило волнительное чувство новых открытий и, конечно, приключений. Теперь он был путешественник и первооткрыватель Америки, но и о задании Павел не забывал.

Маршрут он себе представлял так, как рассказал ему его приятель Саша Рябов, – из Москвы прямо в Гавану, только летал он другим самолетом, а из-за, требовавшего дозаправки аэробуса, маршрут был совсем другим. Через несколько часов полёта, перелетев всю Европу, самолёт приземлился в аэропорту города Шэннон в Ирландии и перед советским обывателем в зале ожидания предстал капитализм во всём своём загнивающим виде. В глаза вошедшим бросилось то, что небольшой зал ожидания представлял собой большой бутик, с бесстыдством выставленными наружу признаками этого дурно пахнущего процесса разложения. Здесь было всё и на любой вкус. Под стеклянными витринами перламутром переливалась нарезка всевозможного мяса и другой уже давно забытой для простого обывателя из СССР снеди. В самом зале расположился другой магазин, где рядами стояли вешалки с верхней и нижней одеждой различного фасона, размера и расцветки, а на столиках, с рядом стоящими диванчиками для отдыха лежали журналы. А журнальчики непростые, а запрещённые в Союзе: да, да порнография в чистом виде. Сначала, толпа прибывших расселась за столиками на мягких диванчиках, а потом прибывшие стали озираться, вставать и неуверенно прохаживаться по залу. Руководитель предупредил, что не дай бог кто-нибудь, что-нибудь стащит – приговор известен, ближайшим рейсом в Союз со всеми вытекающими последствиями. Наконец самолёт заправили и объявили посадку. Уже в воздухе по рукам пошли эти самые журналы. Сосед Павла предложил сесть в хвосте самолёта, показывая небольшую бутылочку виски. От такого предложения Павел не мог никак отказаться, похмелье диктовало свои условия.

Из Шэннона аэробус взял курс в Канаду, пересекая Атлантику по кратчайшему маршруту. Сосед Павла, проявивший сочувствие и симпатию предложил тост за знакомство, а после выпитого виски, при каждом появлении борпроводницы умудрялся выпросить «Ркацители» для себя и для друга. Настроение обоих было на высоте в прямом и переносном смысле, после трёх часового сна жизнь и вовсе заискрилась радужным сиянием.

Над аэродромом Гандера в Канаде, закружилась карусель из трёх Боингов и нашего Ил-86. Самолёты летали так низко и близко друг от друга, что казалось столкновение вот-вот неизбежно. В результате аэробус приземлился и встал метрах в ста от аэровокзала, а кода подали трап, холодный мартовский дождь с ветром как из брандспойта стал окатывать выходящих из салона Советских туристов одетых для пляжного отдыха. Стоящий внизу и одетый в плащ с капюшоном диспетчер по посадке стал жестами показывать, чтобы пассажиры спус-

кались по трапу и бежали к зданию аэропорта в зал ожидания. Других вариантов не было, так как по инструкции по безопасности полётов заправка самолёта с пассажирами на борту категорически запрещалась.

Было удивительно, что посадка в самолёт в отличие от высадки, была нормальной из автобуса, который довёз их до трапа, да и дождя уже не было. Снова взлёт и прямой маршрут на Гавану. Вечерело, над Атлантикой сгустились сумерки. Через пару часов полёта все обсохли, согрелись предложенными стюардессами алкоголем и пледом и расслабились. Возбуждённый говор затих и пассажиры мирно задремали. Павел выспался раньше, после «холодного душа» и выпитой кока колы никак не мог согреться. Он смотрел в иллюминатор на левое крыло, и ему стало казаться, что сначала вроде бы искорки, а затем небольшие всполохи электрических разрядов стали бегать по крылу. В голову полезли нехорошие мысли: «Под нами океан. От него до самолёта девять тысяч метров. Темень непроглядная и случись, что самолёт начнёт падать и, даже приводнится на волны внизу – шансов спастись, практически никаких с плотиками и спасательными жилетами, что вначале полёта показывали бортпроводницы. И что самое интересное полёт где-то уже скоро будет проходить на Бермудским треугольником. Хорошо спящим, спят и ни о чём не думают. Так, надо освободиться от этих мыслей и поспать хоть немного, а то голова начинает болеть». Павел отвалился в кресле и закрыл глаза. Как вдруг сильная вибрация стала трясти фюзеляж самолёта, потом он как бы застыл на месте и стал загребать носом вверх, словно на вертикальную стену, а затем рухнул вниз так, что защеколало под ложечкой и, казалось, это падение никогда не кончится, но всё-таки оно закончилось. Но не успела пройти эта тревога и страх, как опять самолёт стал загребать носом вверх. И только после очередного падения в полутёмном салоне замычали сирены и на табло загорелись надписи «Пристегнуть привязные ремни». Истеричные крики, визг, плач и мольба о помощи заполнили салон одновременно. Выбежали испуганные бортпроводницы, но тут же попадали между креслами пассажиров. Зажёгся свет, но через несколько секунд погас. Мелькание тел, а вернее теней мечущихся людей заполнило салон как на дискотеке. А самолёт упорно продолжал свои взлёты и падения, не желая окончательно упасть в тёмную бездну Атлантического океана. Через некоторое время свет в салоне задержался и... гаснуть не стал, самолёт выровнялся и в салоне стали слышны стоны, вздохи и тихий плач.

Но полёт продолжался. Стюардессы, столпившись, оказывали кому-то первую помощь, быстро носились по салону предлагая воду и успокоительные средства. Павел был в порядке он, почувствовав неладное, вовремя пристегнул ремень. Взглянув в иллюминатор, он заметил на горизонте над облаками восходящее солнце. Больше Бермуды никак себя не проявляли и самолёт стремительно приближался к Кубе.

«Голубая лента, голубая лента», стала повторяться эта фраза по самолёту, который шёл на снижение. Павел опять посмотрел в иллюминатор и увидел узкую полосу жёлтого песка на многие километры, океанские волны с барашками, а вблизи берега песок в сочетании с водой образовал широкую голубую полосу на всю песчаную косу, простиравшуюся чуть ли не до горизонта. «А, это Варадеро» – подумал Павел, вспоминая наставления Саши Рябова.

Это было вчера, а сегодня вот она – Куба. Уже в автобусе, после того как он получил багаж и прошёл таможенный контроль, Павел понял, что болен. Болезнь усугубляла его положение, так как не была известна природа её происхождения. Если вдруг что-то серьёзное, то действительно можно отправиться в Союз – вряд ли с ним будут нянчиться на Кубе. А Николай уж постарается избавиться от такой обузы. К тому же он вспомнил, что избежал прививки от малярии, которую необходимо было сделать перед поездкой. Нет, прививка здесь ни при чём, ведь на Кубе, в тропиках, он пробыл пока ещё не более полутора часов. И контакта с экзотикой ещё не было. Нет, это не малярия. Может, просто простуда? Да, скорее всего. В памяти стала восстанавливаться картина промежуточной посадки в Канаде. В Гандере самолёт долго кружил над аэродромом. Посадку не давали из-за плохих метеословий. Когда самолёт приземлился

метрах в ста от аэровокзала, шёл сильный дождь, а в марте он был уж очень холодным. От самолёта к аэропорту пришлось бежать в летней одежде, ведь все зимнее оставили в камере хранения в Шереметьево. Промокли до нитки. А когда ворвались в зал ожидания, буфетчица стала подзывать группу к стойке, на которой стояли ряды жестяных банок с холодной кока-колой. Что это, если не диверсия? Точно, это было часов семь-восемь назад, а значит, скорее всего, это простуда. Осталось уповать на Провидение и, после случая в Москве, приложить все усилия для выполнения задания во что бы то ни стало. Надежда была ещё на тропическую жару, которая могла излечить как в бане.

Глава 2. Незнакомец

Была пятница. Народ, а вернее, работный люд – в основном мужчины, – по давно уже сложившейся традиции, из автобусов, подвозивших с атомной станции в город, разбрелся по питейным заведениям. Павел шёл в глубокой задумчивости: по большому счёту это была авантюра— приобрести путёвку на Кубу. Во-первых, она стоила огромных денег, часть которых он занял. Во-вторых, к летней сессии он не готов, а провалить её на переводном третьем курсе крайне нежелательно. С хвостами могут принять документы во Львовский политех, но к учёбе не допустят. А ездить летом в Ровно рубить хвосты – очень хлопотно.

Это был переводной семестр из Ровенского института инженеров водного хозяйства, в котором Павел заканчивал третий курс общетехнического факультета, во Львовский политехнический институт на строительный факультет по специальности «Теплогасоснабжение и вентиляция». Учиться было бы несложно со специальностью «Техник-теплотехник», полученной в Нововоронежском энергетическом техникуме, но специфика заочного образования никак не располагала к усидчивости и планомерной учёбе. После успешно сданных сессий, иногда с большой долей везения, Павел в очередной раз давал себе слово учиться планомерно, не откладывая на потом, но каждый раз всё повторялось, и настоящая учёба начиналась за месяц до сессии и продолжалась бессонными ночами в общежитии под музыку очников, живших по соседству. Хвостов не было, но после путешествия на Кубу могли появиться. Он очень этого не хотел, потому, что не привык тянуться в хвосте, но отступать и отказываться от путёвки, было уже поздно. Там наверняка обрадовались, что нашёлся чужак выкупить горящую путёвку за бешенные деньги, и быстренько закрыли все финансовые ведомости. А тут является одумавшийся член профсоюза, тычет путёвкой и требует вернуть ему деньги. Даже если и вернут, то после этого в профком дорога будет закрыта навсегда. Отказывать не будут, но и милости никакой не окажут: ни на мебель, ни на путёвку, не говоря уже о квартире.

Но это ещё полбеда, а вот от насмешек коллег по работе вообще житья не будет. «Да хрен с ним, будь что будет, авось пронесёт» – рассуждал Павел -

С работой проще. Отпустить работника в отпуск в марте – всегда пожалуйста. К тому же и с женой тоже обострились отношения. Хотя большую часть влияния на эту поездку оказала именно она. Супруга его, убеждённая в правоте линии партии, успешно проходила кандидатский стаж. Жизнь её, как она сама заявила, наполнилась смыслом. На поприще борца за идеалы коммунизма она уже успела побывать с дружеским визитом у французских коммунистов в городе Лиле. Паша-папаша, как он иронизировал над собой, в это время сидел с маленькой дочерью дома, ожидая её приезда. Потом она стала готовиться к съезду ЛКСМУ, так как возглавляла комсомольскую организацию на Ровенской АЭС, но ему это не нравилось всё больше и больше. Из жены она превращалась в общественницу, в этакую убеждённую большевичку.

И вот недавно – совершенно случайно – его приятель Саша Рябов поведал, что в профсоюзной организации есть горящая путёвка на Кубу.

– Да дорого, Саня, – возразил Павел, – она столько стоит, что мне год надо работать.

– Поезжай, Паша, не пожалеешь. Когда ещё тебе представится такая возможность? Тысяча рублей на двадцать один день отдыха на лучших курортах мира при полном пансионе и оплате перелётов туда и обратно. Жалеть будешь всю жизнь, если откажешься.

Саша настолько красочно описывал свою поездку на Остров свободы в прошлом году, что устоять было невозможно.

Заняв недостающую часть денег у него же, Павел стал счастливым обладателем заветного билета в страну романтических грёз. Сказать, что его жена была не в восторге, – это ничего не сказать, но сравнения были не в её пользу. К предстоящему турне Павел стал готовиться серьёзно и тщательно, две недели получая подробные инструкции от своего приятеля. Тот настолько хорошо подготовил его, что когда Павел оказался на Кубе, его не покидало ощущение дежавю. В общем, отступать было уже поздно.

Погружённый в свои раздумья, Павел не заметил парня, идущего навстречу. Как внезапный толчок в плечо прервал его размышления, и он рефлекторно, с мгновенной реакцией— занятия боксом не прошли даром – развернулся в сторону незнакомца. На широком тротуаре других прохожих не было, и этот толчок был явно не случаен.

– Извините. – Незнакомец также резко обернулся к Павлу и, улыбаясь, спросил: – У вас прикурить не найдётся?

В руке он держал неподкуренную сигарету. Павел опешил, но быстро пришёл в себя. Незнакомый парень излучал доброжелательность и Павел, немного смутившись, достал и чиркнул зажигалкой. Прикуривая, парень заговорил скороговоркой:

– В девятнадцать ноль-ноль вас будут ждать в пивной «Золотой колос» по интересующему вас делу. Опоздание более чем на пять минут – и вы распрощаетесь с мечтой навсегда.

Пыхнув несколько раз сигаретным дымом, незнакомец стал удаляться быстрым шагом. Озадаченный Павел стоял на месте, усиленно соображая, что это было. Окликнуть заходящего за дом незнакомца он не решился, интуитивно почувствовав, что делать этого не стоит.

Кузнецовск по сути хоть и медвежий угол, отстоящий далеко от областных центров, но незнакомцев видел множество и разных.

В Кузнецовске Павел жил давно, с начала строительства первого блока Ровенской АЭС и, соответственно, с первых десяти жилых домов и пяти домов девяти-этажек -общежитий для строителей и монтажников, поэтому население небольшого городка возраста плюс – минус пять лет от его возраста он если не лично, то в лицо знал. А этого парня он точно никогда не встречал. С тех пор население достигло тридцати пяти тысяч, да и город было не узнать. Построенный по современным проектам, он напоминал небольшие западные города Европы с широким проспектом, небольшими дворами среди пяти и девяти этажек, двумя гостиницами, дворцом культуры, стадионом, дворцом спорта, двумя кинотеатрами и прочими культурными и бытовыми прелестями. Атомная станция денег на обустройство города не жалела. А директор Коробкин Владимир Александрович был молодец, уважаемый всеми. В свои сорок восемь держал спортивную форму сам, как бывший мастер спорта по боксу, так и всячески содействовал этому, чтобы занять молодёжь. Павел тоже попал в это течение, результатом которого стала заработанная им квалификация кандидата в мастера спорта, хотя с первым разрядом он уже приехал из Нововоронежа. Тренеры, мастера спорта и кандидаты здесь пользовались заслуженным авторитетом, а иногда им и злоупотребляли. Не далее как прошлой осенью новоиспечённый мастер по боксу на республиканском турнире в честь героя советского союза Николая Ивановича Кузнецова, проходившем в Кузнецовске, Саня Черных, полулёгковес, схлестнулся в баре с одним залётным киевлянином. Приезшему досталось, хотя было видно, что парень не промах. Уходя с разбитым носом, он пообещал вернуться и продолжить их спор из-за девушки. Его освистали и их с приятелем отпустили с миром. Об этой истории стали забывать, как вдруг к Павлу прибежал Сергей Акимов и велел быстро собираться на разборку с киевлянами. Они,

человек пятнадцать на четырёх машинах, разыскали Санька, его и ещё двоих вытащили из бара и увезли на большую поляну на берегу Стыря за город. Место тихое и безлюдное. Боксёры Кузнецовска автомобилями не имели и сколько могли собрался в субботу, человек двенадцать, побежали на место ристалища. Застали конец поединка. Автомобили киевлян стояли на поляне полукругом. Сами они стояли вокруг дерущихся: Сани и того, которого он обидел две недели назад, а тот, видимо был каратист или рукопашник. На глазах теперь уже и подбежавших приятелей Саня дважды упал от точных и резких ударов ногами в голову. Лицо его было основательно разбито, сам он был растерян и никак не мог собрался после очередного нокаута. При приближении парней из Кузнецовска киевляне не обратили на них особого внимания. Саня лежал на траве не в силах подняться. Тогда двое из них подошли, подняли его под руки и подвели к противнику: «Доволен?» – спросил один из них.

– Да, хватит с него, – ответил боец.

Один из киевлян достал аптечку из машины и сунул ватку с нашатырём под нос Сане, тот замотал головой и мутным взглядом посмотрел на присутствующих.

– Забирайте своего вояку – произнёс один из киевлян, видимо старший. – Делайте выводы, а мы поехали.

Непонятно что это были за парни? Ясно, что из Киева, а кто? Но «ответка» была достойной.

Они расселись по машинам и плавно покатали по поляне на выезд из города. Все оставшиеся молчали. Ни у кого не появилось желания ни до, не после ввязываться в драку с приезжими. Всё было по-взрослому и честно. А мастера и км-сы по боксу Кузнецовска усвоили урок, что боксёрский городок не пуп Земли.

Другие незнакомцы, которые периодически заполняли город, были строители, работающие на возведении первого, а затем второго энергоблока АЭС. Ну, с теми разговор был коротким, хотя и сами работяги старались не затрагивать молодёжь пару раз, по пьянке, нарвавшись на неприятности.

Был ещё один очень неприятный, даже трагический эпизод, когда незнакомцы заполнили город.

Это было первого мая тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Перед первомайской демонстрацией по традиции накануне объявили суббота. Отработали нормально до двух часов дня, навели порядок в сосновой посадке, окружавшей город, почистили и подмели улицы. В общем, – всё как всегда. Потом торжественное собрание в ДК с поздравлением ничем не отличившихся и награждением не причастных, как говаривали мужики в кулуарах. Старшее поколение разошлось по домам, а молодёжь на дискотеку.

Посреди проспекта Строителей уже стояла трибуна. На следующее утро к девяти стали собираться в колонны. Гремел духовой оркестр. Все празднично разодетые мужчины и женщины стояли группами и договаривались у кого дома будут отмечать праздник. Музыка, смех, транспаранты, флаги, цветущая сирень и тюльпаны. Настроение приподнятое и весёлое. На трибуну стали подниматься отцы и матери города, директор АЭС, начальник управления строительства, председатель горисполкома, а также ветераны войны и труда. Народ вытянулся в одну общую колонну с промежутками между предприятиями. С трибуны отзвучала небольшая поздравительная речь председателя горисполкома и колонна двинулась. Все с нетерпением ожидали окончания торжественной церемонии, чтобы разойтись по квартирам и начать празднование под звон бокалов. Сквозь общий гомон до Павла дошли тревожные слова одного из шедшего рядом зам. начальника реакторного цеха, который утверждал, что взорвалась Чернобыльская АЭС. Идущие рядом коллеги, отказывались этому верить, а он доказывал, что слышал эту новость неоднократно по радиостанции «Свободная Европа». Что такое взрыв на АЭС атомщики, идущие в колонне, могли себе хорошо представить, поэтому их сознание не воспринимало эту информацию, а тем более, что произошла авария четыре дня назад, и о

ней никто кроме него не слышал. Пройдя по проспекту, колонна выходила на окраину прямоком к автовокзалу, где освободившись от праздничных атрибутов, должна была рассыпаться на отдельных граждан, спешно расходящихся в разные стороны. И вот тут-то неожиданная новость воплотилась в чудовищную реальность. На площади перед автовокзалом стояли три автобуса, крытая военная машина, машина скорой помощи и милицейский Уазик. Но всех поразило то, что между ответственными лицами и автобусами стояли люди, похожие на привидения, вышедшие из преисподней покойники. Все они как один были одеты в белые лавсановые и ХБ комбинезоны. В таких комбинезонах работники АЭС из санитарного пропускника проходили на рабочие места в зону строгого режима действующего радиоактивного оборудования. Объяснять никому ничего не надо было. Всем предстала трагическая очевидность аварии на Чернобыле.

Людей, подвергшихся радиоактивному облучению в Припяти, эвакуировали из зоны заражения, отбирая не только имущество, но «грязную», а она вся была таковой, одежду, которую направляли на утилизацию в могильники. Люди в белом, стояли молча с подавленным видом и удивлением разглядывая людей в разноцветных нарядах остановившихся напротив и остолбеневших от увиденного. Между приезжих сновали дозиметристы, водят детекторами вдоль земли и по самим людям. Вот тут-то и открылась страшная тайна, о которой молчали руководители республики и государства. А люди в белом всё прибывали. Все участники шествия вдруг поняли, что у этих людей нет никакой своей одежды. Срочно, побросав флаги и транспаранты в кузова машин, все ринулись по домам собрать какую-либо одежду этим бедным, несчастным людям, с ужасом понимая, что сами, не дай Бог, могут оказаться на их месте.

На следующий день и в последующие дни и недели, когда уже прошло официальное сообщение об аварии, по всей Украине стали отлавливать людей стихийно покинувших зону заражения. Это было сделать не так сложно, так как эти несчастные перепуганные люди оставляли радиоактивную грязь на всём к чему прикасались, а более всего стряхивая при ходьбе с обуви. Одним из таких беглецов оказался приятель Павла Гоша Снегур, с которым по приезде в Кузнецовск они, и ещё трое парней, также приехавших по приглашению на комсомольскую ударную стройку, возводимой с нуля Ровенской АЭС. Общежитий не хватало и поначалу их, пятерых молодых и здоровых парней, поселили в старой котельной. Жили весело, а как ещё могли жить пятеро молодых мужчин предоставленных самим себе, особенно когда из одного крыла котельной глубокой осенью, хрустя первым ледком под ногами, приходилось бегать в обход здания умываться в другое крыло? Днём расходились по работам, а вечером радовались жизни,— под гармошку, горланя русские и украинские песни. Потом каждого расселили по ведомственным общагам и тесное общение осталось приятным воспоминанием. Встречались всё реже. Так вот после аварии до Павла дошёл слух о приключениях его бывшего приятеля, а потом при встрече он и сам подтвердил, как шли по его следу. В то время работал он бетонщиком на строительстве очередной градирни на территории Чернобыльской атомной станции. Работа тяжелая, но денежная. Они уже вышли на уровень шестидесяти метров. Сверху вся территория АЭС была как на ладони: главные корпуса всех энергоблоков, здания: специальных корпусов, хранилищ свежего топлива, дизель генераторных электростанций, административных зданий и другие постройки. Их бригада работала в ночную смену. Сидя наверху они ожидали бетон, подача которого внезапно прекратилась через час с небольшим после начала смены. На запросы по рации и телефонные звонки никто не отвечал. Спускаться и подниматься по почти вертикальной металлической лестнице удовольствие было не из приятных и физически очень затратных. Поэтому сидели и ждали, всё равно кто-то из начальства должен был объявиться. Сидели и скучали внутри на лесах. Вдруг до них донеслись звуки сирен пожарных машин и машин скорой помощи. Выглянув наружу, они увидели яркие всполохи света в районе здания четвёртого блока. Сверху можно было хорошо рассмотреть развороченную кровлю

и стены реакторного отделения, а также огонь внутри здания. Свечение огня было необыкновенным: красные языки пламени перемешивались то с лиловатыми, то с белыми, а то даже и с голубоватыми оттенками, а по верху картину дополняла радужная оболочка всех цветов радуги. Такого огня и таинственного свечения никто ещё ни разу в жизни не видел. Полюбовавшись диковинным зрелищем, они справедливо решили, что надо всё же спускаться, так как теперь бетона не будет точно. Чем ближе они опускались, тем более отчётливо стали различаться отрывистые команды через мегафон, крики пожарных и милиционеров. Суета и столпотворение были невероятными среди пожарных машин, машин скорой помощи и автомобилей военных – охраны объекта, спящих людей: пожарных, милиции, врачей, строителей, монтажников, инженерно-технического персонала и руководителей цехов и отделов. Строителей и других рабочих срочно выводили с территории, сажали в автобусы и кузова грузовых автомобилей и увозили в Припять. Отыскать своё начальство было невозможно, да и спустившись на землю они поняли, что произошло что-то ужасное. Попрыгав в кузов военной машины, они поехали в город. По пути от других работяг они узнали, что взорвался реактор на четвёртом блоке и радиоактивное загрязнение покрывает всё вокруг.

А в городе через громкоговорители раздавались команды, чтобы население готовилось к срочной эвакуации и ничего с собой не брали кроме документов и денег. Саша сразу же сообразил, что к чему. Он быстро забежал в свою комнату в общежитии, переоделся, забрал документы, схватил вещь-мешок и бросился бежать на выезд из города. Голосуя, он остановил грузовую машину и отправился к железнодорожному вокзалу. Там ещё не было такой паники, поэтому купив билет и сев в поезд, он с пересадками добрался до железнодорожной станции Рафаловка, а оттуда автобусом домой. «Перво-наперво водка», – решил он, это он усвоил в дороге от случайных попутчиков, – «хорошо выводит радионуклиды». Достав из шкафа самогон, он начал самолечение и вскоре «отрубился», после выпитой половины второй бутылки. А на следующее утро продолжительный звонок в дверь поднял его с постели. На пороге стояли в белом трое: дозиметрист, врач и милиционер. Они шли по его следам от автовокзала до квартиры, от которых дозиметр чуть ли не зашкаливало. Он и так издавал звуки радиационной опасности, а неистово пищать он стал в самой квартире, но это был не предел, когда на балконе его точно зашкалило, так как вещь мешок с вяленой рыбой напоминал атомную бомбу.

Как поведал сам Александр, он выжил, благодаря только тому, что его нашли по следам и срочно отправили в Москву в медико-биологический научный центр им. А.И. Бурназяна, опробовать на нём новейшие противорадиационные препараты. Другого пути спасти ходячий реактор не было никакой возможности. Ему крупно повезло.

Вот такие бывают незнакомцы. Ну а кто этот?

Загадку можно решить одним способом – посетить пивной бар в точно назначенное время. Он посмотрел на часы. До назначенной встречи оставалось ещё полтора часа. Этого было достаточно, чтобы зайти домой, поиграть с дочкой и подготовить жену к, возможно, долгому отсутствию.

Глава 03. Куратор

Всё, что произошло пять минут назад было окутано какой-то тайной. Смутная тревога овладела им: «Что за мечта такая?» Павел давно ни о чём не мечтал, его попросту быт заел: учёба, семейная жизнь, в которой последнее время не всё ладилось из-за, как считал Павел, ни с того ни с сего взявшегося желания жены сделать карьеру общественницы. Оставляли желать лучшего и бытовые условия. Второй год обещают выделить двухкомнатную квартиру, но пока воз и ныне там. Мечта иметь много денег – даже не смешно. Полгода назад его повысили в должности до старшего мастера. Зарплата увеличилась, но денег всё равно не хватало. Это была реальность, а в иллюзии он не верил. Поразмыслив таким образом, Павел немного успокоился. А интерес к невесте откуда свалившейся интриге овладевал им всё больше.

Павел задумался и перенёлся в недавнее прошлое. «Мечта? Сейчас её нет, а была ли? Да, конечно, была. С самого раннего детства он мечтал стать моряком. Сначала из-за красивой формы, а когда стал подрастать и читать разные, сначала детские книжки: «Максимка», «Приключения капитана Врунгеля», «Батальон четверых», «Дети капитана Гранта», а потом «Пятнадцатилетний капитан», «Морской волк», «Вокруг света на коршуне» и другие, то романтика всё более овладевала мальчишкой, ни разу не видевшего моря. С возрастом это притупилось, но видимо мечта как молитва достигла небес. И вот тебе на, после окончания техникума она исполнилась в полной мере. Память унесла Павла в не столь отдалённое прошлое. ПОВЕСТКА: «Согласно закону о всеобщей воинской обязанности... И далее по тексту... надлежит явиться пятого мая тысяча девятьсот ... года в Новоусманский районный военный комиссариат. Всё понятно, – призыв на военную службу. Прощай безмятежное детство и бесшабашная юность. Новостью это для него не было. Не зря же были пройдены медкомиссии, на которых военной тайны по этому поводу никто не делал. Ну, наверное, это и к лучшему. Душа требовала перемен. И трудно было сказать отчего: от юношеского авантюризма или от стремления к романтике. По окончании техникума, впереди открывалась перспектива долгой трудовой жизни до пенсии, и это не вселяло оптимизма. Душа из молодого здорового тела рвалась на простор и требовала немедленной реализации полета мысли. В общем, всё складывалось неплохо, даже думать ни о чём не надо. Обязанность... и всё тут. Да и, честно сказать, поднадоела провинциальная жизнь со всеми её прелестями.

Жить Павлу посчастливилось в небольшом уездном городе Бобров, который, как и множество подобных городков в Советском Союзе жил своим давно сложившемся патриархальным укладом. За городом колосились колхозные поля, расцветал подсолнечник, вспахивалась зябь. А в городе работали предприятия под крылом лесхоза. В керосиновых лавках разливался керосин, а в магазинах выстраивались очереди за хлебом, за сахаром и прочими товарами первой необходимости. Разночинный народ по субботам посещал баню, а потом мужики с «легким паром» заполняли пивные заведения и рюмочные. В общем, жизнь текла тихо и размеренно, как и положено в провинциальном городке районного масштаба.

Размеренно, но только не среди молодежи. Тут жизнь кипела как на вулкане. Город был поделен на зоны влияния, которые контролировала своя группировка: «Азовка», «Чукановка», «Подцерковь», «Город», «Подстанция», в которых были свои авторитеты из уголовного элемента и без башенных драчунов. Отношения и привилегированное первенство за влияние в городе выяснялись в постоянных стычках и нередко в полномасштабных кулачных побоищах район на район. Всё это держалось на авторитете лидеров хулиганского движения, которые утверждали дух превосходства одних над другими с переменным успехом. Не успевала одна группировка захватить власть волею своего лидера, как тот садился года на три – четыре, и власть утверждал лидер другой группировки, который оставался ещё на свободе.

В таких условиях быть нейтральным было непросто, да и почти невозможно – можно было попасть между теми и этими. Это было на одной стороне баррикад. А на другой невозможно не упомянуть имя борца с криминалом и нарушителями законности Александра Михайловича Ермолова – участкового уполномоченного, – старшего лейтенанта. Человека двухметрового роста, худощавого телосложения с невозмутимым мужественным лицом и статной фигурой. Он напоминал дядю Степу из одноимённого произведения Михалкова. Одним своим видом он внушал невольное уважение не только законопослушных граждан, но и «вредного элемента». Он по праву был олицетворением торжества законности и порядка. Рядовые граждане обращались к нему по всем малым и не малым проблемам, возникающим в быту, начиная от пропажи курицы и разделом межи между соседскими огородами, до рукоприкладства пьяного мужа. Авторитет его был непререкаем, и уж, наверное, прозвище «Колчак» дяде Саше было дано неспроста. Ездил он по городу на милицейском сине-желтой окраски «Урале» с коляской. И, где – бы он не появлялся, – раздавался тихий ропот: колчак, колчак, колчак.

Казалось, ничто не могло укрыться от его пронизательного взгляда. По сути, так и было. В Боброве было бы намного больше криминала, если бы не вмешательство этого мужественного борца за правопорядок. Многие события, ведущие к нарушению социалистической законности, он просто предупреждал и пресекал, занимаясь профилактикой преступлений и правонарушений. Это он сказал отцу Павла: «Держи парня, а то упустишь». И родитель его, человек простой рабочий, глубоко уважая и доверяя участковому, – принял это как руководство к действию. Применяя крайне не педагогические приемы, он принуждал Павла задумываться о жизни. Методы были далеко не от Макаренко, но действенные. По малым летам его он был знаком с ремнем, а в данном случае пришлось испытать его тяжелую руку. Это было унижительно – и, всё его существо выражало протест и негодование. Но жаловаться на родителей в то время, было не принято, а ювенальной юстиции тогда в помине не было. Приходилось терпеть. Вероятнее всего такое оперативное вмешательство и помогло ему избежать судимости, которой щеголяли некоторые его приятели. А он был уже на пороге. Все происходило спонтанно, как невинные шалости: ударить пьяного мужика, снять шапку ватагой в пять человек и тому подобное. А когда до него стало доходить содеянное, он в ужасе понял, чем это может закончиться. В страхе, он на такие рейды перестал ходить и просто стал прятаться от своих друзей-приятелей. Как вовремя уберег его Господь! В результате этого «баловства», а попросту хулиганства и преступлений – трое сели от двух до шести. Но его, слава Богу! – они за собой не потащили. Отец Павла, к счастью, ничего этого не знал. Вот так он уже начал идти по кривой дорожке. С этим нужно было завязывать раз и навсегда. Кроме наблюдательности Колчака и воспитательной работы отца, ему ещё помогло и то, что учась в техникуме, и приезжая на каникулы в Бобров, он летом два сезона подряд работал помощником комбайнера – штурвальным, у своего друга Васи Огурка, который был старше его всего на три года. Так он был оторван от улицы и не бил баклуши, а подрабатывал в помощь родителям.

Ну вот, а теперь он призывается на службу в ряды Советской армии. Надежда была на перемену жизни к лучшему.

Как положено, были проводы родни: «Служи сын честно. Не позорь отца и мать, да и брату будь примером».

В Новую Усмань прибыл точно в срок. Не так уж долго их задержали в военкомате и, вот они в Воронеже на пересыльном пункте. В руках у каждого: у кого сумка, у кого чемодан, а у кого рюкзак за спиной.

Медкомиссия:

– Где хотел бы служить?

– Конечно в ВДВ, что за вопрос?

– Хорошо, запомни номер команды и будь готов. Покупатель вызовет твою команду.

Отлично, всё складывается как надо. Можно и расслабиться. Сухой паек выдан. Ждем. Народ прибывает, кто уже лысый, а кто ещё хипует. Бренчит гитара, и под шумок гуляет бутылка «Портвейна». На душе умиротворение. Вызывают команду. Опять мед. комиссия. Главврач: «Вы хотели служить в ВДВ, а что же это, – братец, у вас давление скачет. Утром было нормальное, а сейчас повышенное? Ну, ждите. Номер команды у вас уже есть». Сидя и молча переглядываясь с пацанами своей команды вдруг слышится шёпот по рядам: «Покупатели, покупатели...». А по громкоговорителям приказ: «Строиться по командам!»

Построились как попало. Группа офицеров разных родов войск появилась на плацу и идет вдоль строя. В нашей команде нетерпение и разные предположения кто наш покупатель: ВДВ, морпехи, авиация, танковые войска....? А вот и разгадка, – к нам подходит наш покупатель – морской офицер в форме капитан-лейтенанта, два мичмана и четверо матросов с ними. Ах, вот она военная тайна, – когда ВДВ превращается в военно-морской флот. Косить никто не собирался, но и три года это слишком. Плакать не будешь, но ком в горле застрял. Захоте-

лось вдруг домой, в Бобров к маме. А в голове как навязчивый мотив: «Не плачьте, – в горле сдержите стоны»!

Но три года пролетели быстро на боевых кораблях: эсминце «Окрылённом» и новейшем БПК «Резвом». Эта детская мечта обернулась подарком судьбы, вызывая гордость и самые лучшие воспоминания.

К «Золотому колосу» он подошёл на пятнадцать минут раньше: на всякий случай, если вдруг встретятся знакомые и потащат за стол выпить с ними кружку пива.

Войдя в зал за три минуты до семи, Павел стал осматривать прокуренное питейное пространство. За столом для двоих с четырьмя бокалами свежего пива он увидел мужчину лет тридцати, который коротким жестом и кивком головы приглашал подойти к его столу; «Да, – подумал Павел, направляясь к незнакомцу, – сработано как часы, даже пена не успела осесть. Чем же ещё будет удивлять этот тип?»

– Присаживайся, Павел. Ничего, что я обращаюсь на ты? Мне кажется, для нашей беседы это наилучшая форма общения. Я, как ты видишь, старше и по возрасту и... – Незнакомец не стал заканчивать фразу, но продолжил: – А меня называй на вы, представляться не буду. Со временем познакомимся поближе... может быть, а может, и нет, всё зависит от того, как сложатся обстоятельства, и от тебя, Павел. Пей пиво – свежее, креветки тоже, я уже попробовал. Любишь пиво с креветками? Ну, пей... – В ответ на кивок Павла предложил он. – Ты пей и отвечай на мои вопросы.

– А с какой стати, извините, я должен отвечать на них. Вы вообще кто?

– Кто я такой, тебе пока, как я уже сказал, знать необязательно. Надеюсь, и очень надеюсь, что ты умный парень и по ходу догадаешься. Для начала и этого достаточно.

Он с удовольствием сделал три глотка и, поставив бокал, пристально уставился на Павла.

– Не удивляйся, о тебе мне известно почти всё, но я хочу дополнить картину. Итак, ты верующий?

Павел поперхнулся. Он ожидал всего что угодно, но только не такого вопроса. Он также уставился на собеседника в упор и молчал. За вопиющую наглость Павел решил отплатить той же монетой.

– Да ладно, расслабься, мой друг, и для начала усвой, что на мои вопросы ты должен отвечать искренне, без утайки. Ну и?..

Этот наглец явно брал верх и обезоруживал без стыда и совести.

– Я знаю, что ты комсомолец, а жена твоя – кандидат в члены КПСС, но мне нужны истинные твои убеждения. Скажу больше, от этого может зависеть твоё будущее. Повторю вопрос: ты веришь в Бога?

– Да! – чуть ли не закричал Павел.

Он был зажат в угол, как в боксерском ринге, и теперь шёл ва-банк. «Да пошёл он на хрен, этот наглец! – промелькнуло в голове Павла. – Будет дальше так себя вести – прямой в голову, прямо в нос и, как говорится, наша встреча была ошибкой».

– Послушай, Павел, я знаю, о чём ты сейчас подумал, но правильно делаешь, что держишь себя в руках. Для человека, решившего посвятить себя защите Отечества от скрытых врагов, было бы неразумно поступать таким образом.

– Так вот в чём дело!

До Павла стал доходить смысл всего происходящего. Пазл сложился, и всё встало на свои места. О том, что он год назад написал заявление о направлении его в институт КГБ, знали только люди из соответствующего отдела Кузнецовска. А там болтунов не держат. Группу из двадцати комсомольцев Ровенской АЭС в качестве добровольной дружины привлекли в помощь немногочисленному составу этого отдела. Дважды проводились совместные учения в глухих лесах полесья с обнаружением схронов и диверсантов. Были стрельбы из автомата и пистолета. Причём проводились эти мероприятия с освобождением от работы. Как-то по

окончании этих учений один из сотрудников отдела предложил троем из группы, если у кого возникло желание, стать чекистом – это, мол, можно устроить, написав заявление для поступления в вуз КГБ, а в отделе подадут его по команде.

«Да, этот дядя не простой, – подумал Павел. – Интересно, в каком он звании? Наверное, судя по возрасту и по тому, что он сам пришёл на встречу к такой мелюзге, как я, старший лейтенант или капитан».

– И всё-таки, как я могу к вам обращаться? – Павел перешёл в атаку. – Иначе мне придётся самому придумать вам имя, а это дело неблагодарное.

– Bravo, парень, ты мне нравишься всё больше. Ну, моё имя слишком хорошо известно, чтобы я его называл, как сказал один из героев известной кинокомедии. А я немного перефразирую – оно слишком неизвестно и это лучше для нас обоих. Называй меня пока куратором, а там видно будет. Ну, давай выпьем за знакомство, – поднимая бокал, проговорил он.

– Хорошо, куратор. – произнёс Павел в ответ, делая ударение на слове «куратор», – он хотел отыграться в этом раунде.

– Пойдём дальше, мой друг. Теперь слушай внимательно и запоминай. Как ты уже понял, я сюда пришёл не пиво с тобой пить. Первое, в Кузнецовске ты живёшь довольно давно и имеешь друзей-приятелей в разных сферах: и в спортивных кругах, так как вы подпольно занимаетесь карате, и по работе. Да и бар при ресторане «Вараш» посещаешь частенько. Так вот, до твоего отъезда на Кубу мне нужна как можно более полная информация о таком типе как Винил. Слышал о таком?

– Да, слышал краем уха, – ответил Павел. – О нём ходят всякие небылицы как о Рембо, что он то ли входит, а то ли даже возглавляет какую-то мощную ОПГ. Только трудно в это поверить, потому что здесь, в Кузнецовске, он никак себя не проявил. Однажды его зацепили в баре и вывели для разговора. Он вышел, а вместе с ним – трое его приятелей, которые быстро замяли конфликт, а он даже не попытался дёрнуться. Как стоял, держа руки в карманах, так повернулся и ушёл обратно в бар. Мои знакомые говорят о нём с придыханием, то есть уважительно и негромко.

– Ну так и мои знакомые тоже очень интересуются им. Мне, как сам понимаешь, не с руки проявлять интерес, а вот на тебя я надеюсь. Прояви находчивость – качество, необходимое чекисту, без которого он не чекист. Всё, что ты узнаешь, изложи подробно в отчёте. И письмом отправь по почте через окно «До востребования». В строке обратный адрес укажи «По месту». Тебе всё ясно?

– В общем да, только примут ли на почте письмо с таким обратным адресом? Там тётки строгие.

– Об этом не беспокойся, только «По месту» выдели как следует, чтобы оператор сразу увидела.

Павел тогда ещё не знал, что «По месту» для оператора «До востребования» было условным знаком «Совершенно секретно! Срочно доставить в местное отделение КГБ». – Теперь второе: какой у тебя фотоаппарат?

– «Зенит».

– Отлично. Берёшь его с собой на Кубу. Он должен быть всегда заряжен, так как снимать будешь много, можно сказать, всё подряд, особенно людей. Но ненавязчиво, а как бы на фоне достопримечательностей или интересных видов природы. Объектом номер один будет ваш руководитель группы и люди, с которыми он будет встречаться, особенно вне группы. Не всегда будет удобно снимать «Зенитом», поэтому у тебя будет микрофотокамера. Её ты найдёшь завтра утром в своём почтовом ящике вместе с инструкцией по обращению с ней. По приезде напишешь отчёт и отправишь его по почте так же, как и первый. Ты всё понял?

– Понял, не дурак, – проговорил Павел.

– Ну это мы ещё посмотрим. И напоследок пару советов: не переигрывай в шпиона. Плох тот актёр, который либо переигрывает, либо недоигрывает. Будь самим собой. Ты на отдыхе. И для убедительности можно расслабиться и немного пошалить. С алкоголем будь осторожен – это твоя слабость. Это первое твоё испытание, от него зависит многое. Подумай. Работа чекиста – это работа на границе света и тени. Со временем, даст Бог, ты это поймёшь. Если не понравится первое или второе, по уже известному тебе каналу, до отъезда или после, напишешь следующее: «Я передумал. Я не хочу!». Тогда мы с тобой никогда больше не встретимся. И можешь не волноваться: никаких последствий для тебя не будет. Станешь жить как жил. Вопросы есть?

– Нет, – тихо ответил Павел. Он был подавлен всем, что услышал.

– Ну, тогда пока, – вставая из-за стола, проговорил куратор. – Нужен будешь, я тебя найду.

Глава 04. Братья

В кабинет генерала Бахметьева в Киеве капитан Сергеев прошёл не сразу, а дождался окончания совещания.

– Ну, что нового, капитан, по операции «Звезда шансона»? – сходу спросил генерал, указывая на стул недалеко от своего стола. – Командировка была результативной?

– Да, товарищ генерал, открылись новые обстоятельства.

– Хорошо. Но сначала скажи, Виталий Викторович, наши ничего не заподозрили?

– Никак нет, товарищ генерал. Чтобы скрыть моё появление, задействовали конспиратора. Он обеспечил моё прибытие, квартиру, встречи и отъезд. Всего прошло три встречи. Первая – с барменом ресторана «Вараш». Он наш человек, завербован на мелких валютных махинациях и очень благодарен нам, что не сидит. Вторая – с секретаршей из ЗАГСа, у которой тоже рыльце в пушку за незарегистрированного покойника, на которого родственники продолжали получать пенсию. Третья – с моим протеже, мечтающим работать в КГБ. Все три беседы дали интересные результаты. Только информация поступала в обратном порядке.

– Интересно, – протянул Бахметьев, – и что же нового по нашему подопечному?

– Извините, товарищ генерал, не подопечному, а подопечным.

– Вот как, их что, несколько?

– Двое, товарищ генерал.

– Виталий Викторович, обращай ко мне по имени-отчеству, а то у тебя что ни предложение – то товарищ генерал. Уши режет.

– Так точно... – продолжил Сергеев и осёкся – с языка опять чуть не слетело «товарищ генерал». – Хорошо, Степан Васильевич. Эти двое – братья-близнецы, похожие как две капли воды. Когда они демобилизовались и приехали домой, то родная мать спутала их по именам на потеху соседям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.